

ЕСЛИ БЫ к современным повестям и романам, как в старые добрые времена авантюрной прозы, прикладывались географические карты, то с легкостью обнаружилось бы, что действия большинства произведений Владимира Тендрякова происходит практически в одних и тех же местах. Может быть, даже в одном районе и, уж наверное, в одной области.

В критике уже обращалось внимание на то, что герой романа «За бегущим днем» учитель Андрей Бирюков — родом из Густого Бора, возле которого случилось несчастье в «Ухабах» и возле которого разворачивается строительство комбината в «Суде» (уж не того ли самого комбината, что поминается в «Ночи после выпуска?»). Районный центр Загарье, где Бирюков преподает литературу и русский язык, живет укладом, не отличным от уклада села Коршуново в «Тугом узле», а топографические приметы Красноглинки («Апостольская командировка») в подробностях совпадают с приметам деревни Матера, нарисованной в романе «Свидание с Нефертити».

Секретарь Загарьевского райкома партии Ващенко, который играет такую важную роль в сюжете романа «За бегущим днем», действует также в повестях «Чудотворная» и «Чрезвычайное». Нетрудно представить себе, как на одних и тех же районных и областных совещаниях встречаются колхозные председатели Евлампий Лыков («Кончина») и Игнат Гмызин («Тугой узел»), знатная свиноводка Настя Сыроегина («Поденка — век короткий») и бригадир сплавщиков Александр Дубинин («Тройка, семерка, туз»).

Из произведения в произведение переходят не только герои Владимира Тендрякова, но и конфликты, ситуации, проблемы, изблюбленные мысли писателя.

Очерк «Бородавка», некогда напечатанный в «Литературной газете» и рассказывавший о случайной встрече автора с «гостеприимным» хозяйчиком, озабоченным исключительно собственным благополучием, развернулся тогда же, в 1954 году, в повесть «Не ко двору», принесшую известность молодому писателю и одобренную такими строгими ценителями, как А. Фадеев и В. Овечкин. Исследование характера человека, видящего в общем деле лишь плацдарм для реализации собственных честолюбивых притязаний, начавшись в «Падении Ивана Чупрова», было продолжено на принципиально более широком социальном материале в «Тугом узле» и «Кончине». Вопрос о мертвящем воздействии религии на человеческие души ставился раз от разу все острее в «Чудотворной» (1958), «Чрезвычайном» (1961), «Апостольской командировке» (1969)...

Уже в одном только завидном постоянстве интересов и пристрастий видны черты генетической и типологической близости В. Тендрякова к тому ответвлению современной русской прозы, которое получило особенно интенсивное развитие в пятидесятые годы. Острая постановка проблем, актуальных именно для сегодняшнего дня, опора на точные данные социологии и статистики, предметность социально-хозяйственных и нравственных рекомендаций, чуткость к любому движению общественной мысли, вера в непосредственную и, может быть, даже прикладную действительность художественного слова — вот что роднило В. Тендрякова с В. Овечкиным, Б. Дорощем, Г. Троепольским, С.

Антоновым и что с большей или меньшей определенностью угадывается в каждом новом его произведении.

Работая в послевоенные годы секретарем райкома комсомола, участь во ВГИКе и Литературном институте имени М. Горького, собирая материал для собственно художественных и очерковых произведений, Владимир Тендряков немало поколесил по стране, многое повидал, о многом передумал. Но поразительна избирательность творческого зрения: и виделось, и отмечалось только то, что писателю казалось самым главным, существеннейшим в данный момент, что напрямую работало на выполнение раз и навсегда поставленной сверхзадачи. Поэтому даже в путевых очерках о поездке, например, в Узбекистан В. Тендряков, отдав необходимую дань тамошним красотам и достопримечательностям, тотчас

ведение, подчиняется ей, избегает насилловать ее».

В этих словах — столкновение двух полярных точек зрения и — шире — столкновение двух типов художественного постижения действительности. Есть писатели, ставящие важнейшей своей целью исследование характеров в их неповторимой единичности, единственности, пытающиеся выявить общие закономерности, тенденции жизни во внешне алогичном, глубоко индивидуализированном поведении конкретной личности.

Есть писатели другого типа — и их ярчайшим представителем по праву можно считать В. Тендрякова, — которые в художественном постижении реальности идут иным, встречным путем: от общего к частному, единичному, от логики к «алогизму», от мысли к характеру. Кисть художника в этом случае уравнивается

как правило, людей вроде бы самых что ни на есть обыкновенных, будничных, встречающихся на каждом шагу, тех, кто, подобно Андрею Бирюкову из романа «За бегущим днем», может сказать о себе: «Природа не оделила меня особым талантом. Я, самый заурядный из заурядных, увы, не сотворю своими руками ничего такого, что умлило бы потомков».

Но так ли уж они обычные, эти обыкновенные тендряковские герои?..

«Для чего живет человечество? Для чего оно строит города, изобретает машины, создает памятники искусства, мечтает вырваться не только к ближайшим планетам, но и за пределы Солнечной системы? Для чего?» — напряженно размышляет директор школы Анатолий Матвеевич («Чрезвычайное»). «Было ли начало мира? Будет ли его конец? Какой смысл существования чело-

зучившимся разгадывать вечные и непостижимые загадки бытия, тайны человеческого общегития. Не всегда, далеко не всегда эти загадки оказываются по плечу персонажам тендряковских повестей и романов. И все же, как бы круто ни обходилась судьба с тендряковскими «интеллигентами с мужичкой косточкой», ревнители социальной справедливости куда милее писателю, чем «счастливицы, не задумывающиеся ни о мироздании, ни о смысле собственного существования». Именно в таких героях, как секретарь райкома партии Ващенко («Чудотворная»), «Чрезвычайное», «За бегущим днем»), как председатель колхоза Глушечко («Три мешка сорной пшеницы») или художник Федор Материн («Свидание с Нефертити»), концентрируются, по мысли писателя, гражданская зрелость общества и его неразстрачиваемое духовное богатство.

Как научить человека оставаться человечным при всех обстоятельствах, сохранять на крутых переломах судьбы жизнеутверждающую любовь к людям? Напряженно и страстно думают об этом герои тендряковской прозы. Думает и сам автор, одинаково не приемлющий как мягкотных, бесхребетных «альтруистов», так и тех, кто, подобно отцу Дюшки Тягунова из «Весенних перевертышей», «любит ковать счастье несчастным на их головах».

Писателю по сердцу эстафета взаимного понимания, объединяющая всех людей доброй воли вокруг общего правого дела. «В жизни есть свои цепные реакции, — размышляет автор в повести «Чрезвычайное» вместе с директором школы Анатолием Матвеевичем. — Стоит чуть-чуть проявить медопроборательство, как люди ответят тем же, в свою очередь это вызовет новую оскорбленность, новую спесь и так далее...» Чтобы вдруг не возникла цепная реакция тугомислия, чванства, бездуховности, необходимо решительно противопоставить ей цепную реакцию отважной, подлинно гражданской мысли. Тогда в человеке раскроются негданные ресурсы благородства, душевной щедрости и отзывчивости.

Рецепт прост? Что ж, истина часто выглядит банальностью. Важно лишь, чтобы она вошла в плоть и кровь, стала естественной, неоощуцаемой в своем величии нормой общественного поведения, образом жизни. Затем и спешит Владимир Тендряков за бегущим днем, чтобы успеть уловить и закрепить на бумаге нынешнюю борьбу старого и нового. Затем и ставит своих героев в жесткие, невыносимые подчас обстоятельства, чтобы проверить их на сгиб и излом, чтобы слетела с них шелуха кажущегося и преходящего и открылась перед ними широкая социальная перспектива грядущего.

Сергей ЧУПРИНИН

ЗА БЕГУЩИМ ДНЕМ...

Штрихи к портрету

Владимира Тендрякова

сосредоточивается на проблемах, показательных в равной мере как для среднеазиатского, так и для среднерусского села. Поэтому и научно-фантастическая повесть «Путешествие длинной в Век» выглядит у него естественным продолжением раздумий о сегодняшней научно-технической революции.

Творческое развитие В. Тендрякова идет не по линии «экстенсивного» захвата все новых и новых сфер действительности, а путем «интенсивного», целеустремленного проникновения в темы, уже хорошо изученные, продуманные, выношенные. Писатель, что называется, бьет в одну точку, а мысль его от произведения к произведению основывается на дополнительной аргументацией, подкрепляется серьезностью и постоянством наблюдений и раздумий. Причем нередко идеи, высказанные впервые в теоретических работах, получают художественное осмысление в повести или романе, а принципиально важные для писателя положения могут заново «переводиться» с языка художественной литературы на язык публицистики.

Один только пример. Многие ли критики, писавшие о «Ночи после выпуска», заметили, что эта повесть была для В. Тендрякова своеобразным полигоном, на котором исследовались и испытывались на прочность тезисы и максимы, выдвинутые писателем пятью годами раньше — в статье «Ваш сын и наследство Коменского», а статья эта, в свою очередь, выросла из учительских дискуссий, развертывавшихся на страницах романа «За бегущим днем»?..

Отвечая как-то на анкету журнала «Вопросы литературы», Владимир Тендряков писал: «Мне кажется, что широко утвердившееся убеждение — герои «сами ведут» автора — не то что неверно, а не совсем точно. «Ведет» логика самой жизни, которую автор и пытается перенести в свое произ-

ведения, буйное полководье многоцветной действительности почти непременно законоуывается в гранитные берега точной и строгой авторской мысли. Детали, штрихи, подробности, прямо не работающие на решение определенной проблемы, отсекаются. Чеховская мысль о ружье, которое, появившись в первом акте, просто обязано выстрелить в последнем, доводится до крайности: до того, что на «сцене» тендряковского повествования остаются иногда одни только стреляющие «ружья».

Писатель стремится в своем произведении дать экстракт, выжимку, квинт-эссенцию реальности, спрессовать разноликие, разноязычные и едва ли не всегда противоречивые явления бытия в одной, строго очерченной ситуации или череде этих ситуаций. Художественное мышление В. Тендрякова хочется даже назвать ситуативным, настолько иногда интерес и конфликту, к сюжету, к событиям, в которых участвуют герои, отнесает интерес к самим героям. Мыслям у В. Тендрякова всегда просторно, а вот живым людям порою и тесно, и неуютно. Им негде и некогда проявить все свои качества, реализовать все свои возможности — столь властно и крепко управляет ими авторская воля, повинующаяся в свою очередь логике жизни.

Понятно, что такой способ исследования действительности имеет свои недостатки, на которые, ввиду их очевидности, с большой охотой указывают критики, но имеет и достоинства, ничуть не менее очевидные. Владимиру Тендрякову удается ухватить самый нерв текущей общественной жизни, вычленив и художественно укрупнить проблемы, жизненно важные, угадать зарождение нового, дав тем самым обильную пищу для читательских размышлений.

В поле зрения писателя, о чем бы он ни писал, — всегда наша реальность, наша повседневность. Ее критериями поверяется и прошлое, и грядущее. Ее мерой оцениваются мысли, чувствования и поступки героев. Да и в герои-та прозаики избирают,

в правах с ланцетом исследователя, буйное полководье многоцветной действительности почти непременно законоуывается в гранитные берега точной и строгой авторской мысли. Детали, штрихи, подробности, прямо не работающие на решение определенной проблемы, отсекаются. Чеховская мысль о ружье, которое, появившись в первом акте, просто обязано выстрелить в последнем, доводится до крайности: до того, что на «сцене» тендряковского повествования остаются иногда одни только стреляющие «ружья».

Писатель стремится в своем произведении дать экстракт, выжимку, квинт-эссенцию реальности, спрессовать разноликие, разноязычные и едва ли не всегда противоречивые явления бытия в одной, строго очерченной ситуации или череде этих ситуаций. Художественное мышление В. Тендрякова хочется даже назвать ситуативным, настолько иногда интерес и конфликту, к сюжету, к событиям, в которых участвуют герои, отнесает интерес к самим героям. Мыслям у В. Тендрякова всегда просторно, а вот живым людям порою и тесно, и неуютно. Им негде и некогда проявить все свои качества, реализовать все свои возможности — столь властно и крепко управляет ими авторская воля, повинующаяся в свою очередь логике жизни.

Чупринин С. За бегущим днем... : штрихи к портрету Владимира Тендрякова / С. Чупринин // Литературная газета. - 1976. - 25 авг. - С. 5.